

О. Кузьминых (Волгоград)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Советское государство с момента своего возникновения взяло курс на проведение самостоятельной политики в области военного плена, в основу которой был положен классовый принцип. Под воздействием партийно-идеологических установок враг в общественном сознании выступал в образе «капиталистов-империалистов», а союзником в борьбе против них считался мировой пролетариат, у которого нет ни отечества, ни национальности. Следствием такой политики СССР стал демонстративный отказ от подписания Женевской конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 г.¹

В противовес Женевской конвенции было решено разработать собственный «Кодекс военного плена». В основу проекта этого документа были положены две основные идеи: 1) режим содержания военнопленных в СССР должен быть не хуже, чем это предусматривает Женевская конвенция; 2) документ, регламентирующий порядок обращения с пленными, должен соответствовать принципам советского права (недопустимость льгот для офицерского состава, равенство военнопленных в правах и т. д.). В результате, 19 марта 1931 г. постановлением ЦИК и Совнаркома СССР было утверждено Положение о военнопленных, действующее на территории Советского Союза. Анализ содержания этого документа, позволяет говорить, что он основывался на тех же принципах, что и Женевская конвенция (воспрещение жестокого обращения с военнопленными, право на переписку со своими родственниками и т. д.). Вместе с тем, исходя из принципа «пролетарской солидарности», в документе декларировалось предоставление политических прав военнопленным, принадлежащим к рабочему классу или беднейшему крестьянству (ст. 10), запрещалось денщикство, равно как и ношение знаков отличия (ст. 18), предусматривалось создание лагерных комитетов, выражающих интересы солдатской массы (ст. 14). Для руководства размещением и содержанием военнопленных учреждался специальный орган в лице Центрального управления по делам о пленных и беженцах (Цупленбеж)².

Разрабатывая законодательство о содержании военнопленных, советское государство использовало уже наработанный опыт обращения с представителями иностранных государств. Для СССР было характерно двойственное отношение к иностранцам, главным критерием которого была лояльность к советской власти. Этот критерий был положен и в основу обращения с обезоруженными

солдатами противника, что нашло свое отражение в упомянутом «Положении о военнопленных» от 19 марта 1931 г., которое предписывало всех военнопленных-«пролетариев», «не эксплуатирующих чужого труда», наделять политическими права наравне с «трудящимися иностранцами»³. При внимательном изучении первых советских нормативно-правовых актов по обращению с бывшими неприятельскими солдатами бросается в глаза одна характерная деталь: сталинское руководство изначально смотрело на военнопленных как на своих «союзников». По мысли сталинского окружения, стоило советским войскам вступить на вражескую территорию, как все неприятельские войска, основу которых составляют все те же пролетарии, бросят оружие и перейдут на сторону Красной Армии. Утопичность этой идеи выявилась уже в первые дни «освободительного похода в Польшу». Из оперативных сводок Генштаба РККА, которые публиковались с 17 по 27 сентября 1939 г., только первая содержала фразу о восторженной встрече советских частей населением. В последующих сводках этот сюжет заменили сведения о достигнутых рубежах, занятых городах и о количестве захваченных пленных⁴.

Так или иначе, в сентябре 1939 г. НКВД было поручено разработать проект нового Положения о военнопленных. И хотя подготовленный документ был одобрен Экономическим советом при СНК СССР, он не был официально утвержден советским правительством⁵. Показательно, что военнопленные поступали в распоряжение наркомата внутренних дел – ведомства, наделенного репрессивными функциями и отвечавшего за карательную политику государства. В составе НКВД было сформировано Управление по военнопленным, являвшееся преемником Цупленбежа⁶.

23 сентября 1939 г. заместителем наркома внутренних дел В. Чернышовым было утверждено «Положение о лагере военнопленных»⁷. Основными задачами лагерей НКВД для военнопленных объявлялись: 1) содержание военнопленных в условиях изоляции от окружающего населения; 2) создание режима, исключающего всякую возможность побега пленными из зоны лагеря; 3) агитационно-массовая и политическая работа среди контингента. Сопоставление содержания «Положения о лагере военнопленных» от 23 сентября 1939 г. и «Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» от 2 августа 1939 г. показывает, что, если главной задачей ИТЛ являлось трудовое использование контингента⁸, то основной задачей лагерей УПВ – политическая работа среди военнопленных. Последней советское государство придавало особое значение, рассматривая военнопленных в соответствии с известной ленинской установкой как «бацилл коммунизма» – будущих сторонников социалистических преобразований в своих странах. Неслучайно, в структуре УПВ НКВД СССР политическому отделу под руководством полкового комиссара С. Нехорошева отводилось одно из ведущих мест⁹.

Классовый подход к проблеме военнопленных демонстрирует, в частности, практика учета последних. Указание УПВИ НКВД СССР № 25/11805 «По во-

просам уточнения социально-политического лица военнопленных» ориентировало сотрудников лагерей на подробное составление политического портрета каждого пленного и на поиск в среде неприятельских солдат «социально-близких», т. е. тех, в которых СССР видел потенциальных союзников в борьбе с «буржуазно-капиталистическим лагерем»¹⁰. Таким образом, СССР предпочел исходить в вопросах регулирования военного плена не из положений международных конвенций, а из положений внутреннего законодательства, в свою очередь, основывавшегося на классовых императивах.

Ориентацию на собственное законодательство по вопросам военного плена демонстрирует неопределенный правовой статус польских солдат и офицеров, захваченных Красной армией осенью 1939 г. Ряд историков рассматривает польских граждан, попавших в лагерь НКВД как интернированных, исходя из того, что между СССР и Польшей не было официально объявленного состояния войны¹¹. Однако характер и масштабы боевых операций, имевшие место жертвы в ходе боевых столкновений свидетельствуют о том, что между СССР и Польшей велась настоящая война. По справедливому замечанию Н. Лебедевой, «неофициальное» введение на территорию Польши войск сталинским правительством, лишь усугубляло ее агрессивный характер¹². Именно о «военнопленных» идет речь в большинстве документов ведомства Л. Берии, а также протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). Пленными считали себя и большинство польских офицеров¹³. Другое дело, что среди оказавшихся в лагерях польских граждан было большое количество людей, не имеющих никакого отношения к вооруженным силам.

В нарушение ст. 11 Положения о военнопленных от 19 марта 1931 г. о недопустимости содержания пленных в местностях с «нездоровым климатом», часть поляков была направлена в исправительно-трудовые лагеря Европейского Севера СССР, где они трудились наравне с советскими заключенными. Об одинаковом положении военнопленных и заключенных свидетельствует как «Инструкция о содержании и трудовом использовании военнопленных в Северном железнодорожном лагере»¹⁴, предоставившая начальнику Севжелдорлага право использовать их труд по своему усмотрению, так и отдельные факты экзекуций над польскими военнослужащими, ярким примером чего является катынский расстрел. О том, что сталинское окружение смотрело на польских военнослужащих как на рядовых узников лагерей НКВД, свидетельствует Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» от 12 августа 1941 г., под которую попали и пленные поляки¹⁵. Освобождение пленных «по амнистии» являлось нонсенсом для международного права.

Однако имелся ряд черт, наличие которых не позволяет говорить о полном растворении военнопленных поляков в контингенте заключенных. Во-первых, советское руководство пошло на создание в октябре 1939 г. справочного бюро по розыску военнопленных и интернированных лиц бывшей польской армии

при исполкоме Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. И хотя НКВД игнорировало работу этого органа, попытка его создания свидетельствует о стремлении СССР соблюдать хотя бы формальную сторону общепризнанной нормы международного права. Во-вторых, польским военнопленным была разрешена переписка со своими родственниками за границей. В-третьих, места работы военнопленных предписывалось отделять от производственных участков заключенных. Таким образом, можно говорить о том, что захваченные Красной Армией польские военнослужащие имели «промежуточный статус» между военнопленными и заключенными и являлись особой категорией контингента НКВД.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство нотой от 17 июля 1941 г. заявило о своей готовности признать Гаагскую конвенцию 1907 г. и соблюдать ее на условиях взаимности. При этом Советский Союз руководствовался двумя мотивами. Во-первых, он стремился обеспечить себе поддержку международной общественности в условиях германского наступления. Во-вторых, стремился ограничить себя от многочисленных обязательств, вытекавших из положений Женевской конвенций о военнопленных от 27 июля 1929 года. Что касается реакции германской стороны, то она была вполне предсказуема. Гитлер и его ближайшее окружение, не сомневавшиеся в скором завершении войны на Востоке, проигнорировали заявление Советского Союза. В ответной ноте министерства иностранных дел Германии от 25 августа 1941 г. было сказано, якобы массовые расстрелы пленными частями Красной Армии доказывают лицемерный характер дипломатических шагов сталинского руководства¹⁶.

Основным нормативно-правовым документом, регламентировавшим положение иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, являлось Положение о военнопленных, утвержденное постановлением СНК СССР № 1798–800 от 1 июля 1941 года. Основные пункты этого документа соответствовали Гаагской (1907) и Женевской (1929) конвенциям. Согласно Положению в категорию военнопленных попадали: 1) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с Советским Союзом, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР; 2) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие; 3) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные в ходе военных действий. Положение гарантировало военнопленным право на жизнь и личную неприкосновенность, обеспечение жилыми помещениями, медикаментами и продовольствием. Запрещалось оскорблять пленных, жестоко обращаться с ними. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, разрешалось ношение военной формы, знаков различия и отличия. Они получали право приобретать за свой счет дополнительно продукты питания, одежду, предметы личной гигиены, беспощинно

получать с родины и из нейтральных стран письма, посылки и денежные переводы¹⁷.

Вместе с тем документ имел принципиальные отличия от Женевской конвенции. В советском варианте не имелось статьи, предусматривавшей контроль за содержанием военнопленных со стороны Международного комитета Красного Креста, не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования, не было определено время репатриации.

После принятия правительством «Положения о военнопленных» наркомат внутренних дел выпускает серию инструкций, развивающих и дополняющих его. К числу таковых следует отнести прежде всего «Временную инструкцию о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД СССР» от 4 июля 1941 г., а также инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД от 7 августа 1941 года. Данные документы ограничивали права военнопленных и расширяли полномочия НКВД. Так, в них не оказалось пункта, запрещавшего изымать у военнопленных личные вещи и документы. Ограничивалось право пленных на подачу жалоб. Теперь они могли высказать свое недовольство только представителям лагерной администрации и были лишены права обращаться в вышестоящие инстанции¹⁸. Целью данных инструкций было ужесточение режимных требований в условиях военного времени.

Согласно инструкциям НКВД-МВД СССР военнопленные обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, постельными принадлежностями, денежным довольствием. Инструкция УПВИ НКВД СССР № 75 от 22 февраля 1943 г. регламентировала порядок приема, хранения и возврата валюты и ценностей, принадлежавших военнопленным¹⁹. Для проверки сохранности имущества пленных периодически проводилась его инвентаризация. В случае утраты личных вещей или ценностей, принятых на хранение от военнопленных, им возмещалась стоимость утраченного за счет виновных лиц²⁰.

В целях предотвращения случаев смертности при транспортировке военнопленных приказом наркома внутренних дел № 0388 от 6 октября 1943 г. была введена инструкция «О санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках»²¹. Маршруты движения военнопленных оборудовались сетью питательных и санитарно-пропускных пунктов. Категорически запрещалось направлять в тыловые лагеря больных и раненных военнопленных, которых надлежало отправлять в госпитали²².

Особое внимание уделялось регламентации труда военнопленных. В соответствии с директивой УПВИ НКВД № 28/7309 от 17 июля 1942 г. труд бывших вражеских солдат надлежало использовать с учетом их физического состояния, для чего вводилось четыре группы трудоспособности. Офицеры и генералы к работам привлекались лишь на добровольной основе. На основании приказа НКВД СССР № 00675 от 6 апреля 1943 г. для военнопленных устана-

вливался 8-часовой рабочий день, 4 выходных дня в месяц и восьмичасовой ежедневный ночной отдых²³. За работу пленным выплачивалось денежное вознаграждение.

На территории лагеря военнопленным гарантировалась свобода передвижения и личная неприкосновенность. Так, в п. 38 Инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД от 7 августа 1941 г. закреплялось право беспрепятственно передвигаться по зоне лагеря и посещать культурно-массовые мероприятия²⁴. Применение оружия личным составом лагерей жестко регламентировалось. В «Инструкции по службе внутренних нарядов в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», введенной приказом НКВД № 001132 от 4 октября 1945 г., подчеркивалось: «Применение оружия есть крайняя мера и к ней надлежит прибегать со всей решительностью, когда все остальные меры воздействия оказались безрезультатными»²⁵. Категорически запрещалось рукоприкладство по отношению к военнопленным. 4 сентября 1944 г. вышло специальное распоряжение УПВИ № 28/00/6936 «О недопустимости избиений военнопленных охраной и личным составом управлений лагерей», в котором подчеркивалось, что военнопленные за проступки могут подвергаться только дисциплинарной ответственности в соответствии с Положением о военнопленных от 1 июля 1941 года²⁶.

Не противоречили положениям Женевской конвенции 1929 г. меры дисциплинарного воздействия к пленным, совершившим побег. В телеграфном распоряжении УПВИ № 28/00/979 от 1 июня 1943 г. «Об ответственности военнопленных за побег из лагерей» указывалось: «Военнопленные, за совершенные ими побег из лагерей, к уголовной ответственности не привлекаются. На этих военнопленных начальником лагеря налагается дисциплинарное взыскание, и на определенный срок они подвергаются другим ограничительным мерам»²⁷.

Анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих содержание военнопленных, показывает, что СССР в отношении иностранных военнопленных ориентировался на принципы гуманизма и требования международного права. Советское законодательство гарантировало военнопленным право на жизнь, гуманное обращение, личную неприкосновенность и медицинское обслуживание. Также им предоставлялись имущественные права: обеспечение жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием, гарантировалось сохранение документов и ценных вещей. Важной гарантией предоставленных прав было право каждого военнопленного подавать жалобы и заявления начальнику лагеря. Предпринимались меры к сохранению жизни и здоровья военнопленных в условиях северного климата. О том, как выполнялось на практике законодательство о военнопленных, какие коррективы вносила в действующие правила и инструкции жизнь, речь пойдет несколько ниже.

Особого внимания заслуживает вопрос о правосубъектности военнопленных периода Великой Отечественной войны. По мнению М. Деткова, человек,

попавший в сферу деятельности НКВД-МВД, всецело исключался из юрисдикции действующего законодательства; его жизнь целиком и полностью регламентировалась актами этого ведомства²⁸. Тем не менее, НКВД-МВД не было освобождено от ответственности за судьбу своих подопечных. На совещании руководящих работников лагерей военнопленных, прошедшем в июне 1948 г. в Ленинграде, начальник ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенант Т. Филиппов подчеркивал: «Военнопленные – это категория не частная, а государственная, и МВД СССР отвечает и отчитывается перед правительством за всю работу с военнопленными»²⁹. В директиве МВД № 52/3477 от 19 апреля 1948 г. подчеркивалось, чтобы лагерная администрация строила свое отношение к военнопленными на основе указаний правительства об обращении с иностранцами, ибо «военнопленные являются теми же гражданами иностранных государств»³⁰. Таким образом, руководство МВД подчеркивало особый статус военнопленных и напоминало лагерным властям об особой ответственности за их содержание. Косвенно здесь звучит мысль и об ответственности за их содержание перед международным сообществом. Об использовании аппаратом УПВИ-ГУПВИ текста Женевских конвенций 1929 и 1949 гг. при разработке ведомственных инструкций и директив, свидетельствует их наличие в материалах секретариата ГУПВИ³¹.

В то же время, анализ архивных документов показывает, что до сотрудников лагерей международно-правовые документы не только не доводились, но и пресекалось даже само упоминание об их существовании. В сентябре 1946 г. начальник Грязовецкого лагеря МВД № 150 полковник Г.И. Сырма запрашивал вышестоящую инстанцию: «От военнопленных священников немецкой национальности, содержащихся в лагере № 150, поступают письменные заявления и прошения, адресованные на имя Министра Внутренних дел с просьбой об освобождении их из плена, ссылаясь на 9, 12 и 13 статьи Женевской конвенции от 27 июля 1929 года и на Гаагское соглашение. Не имея по данному вопросу никаких разъяснений, прошу соответствующих на сей счет указаний»³². Ответа на указанное письмо не последовало.

Весьма произвольно трактовало правовой статус военнопленных и советское военно-политическое руководство. Как международным конвенциям, так и собственному законодательству противоречило объявление военнопленными всего состава германской армии после капитуляции Германии и завершения боевых действий. В ходе капитуляции перед войсками Красной армии оружие сложили более 1,3 млн. немецких солдат и офицеров. Большинство из них были погружены в вагоны и отправлены в СССР.

Однако будем справедливы: нарушения Женевской конвенции в годы Второй мировой войны были характерны для всех государств-участников, что обуславливалось крайней жесточенностью боевых действий, непримиримостью идеологического противостояния. Так, английская авиация в 1940–1941 гг. неоднократно сбивала немецкие транспортные самолеты со знаками Красного Креста, которые подбирали из вод Ла-Манша немецких летчиков³³. Амери-

канские солдаты нередко отказывали в медицинской помощи немецкому гражданскому населению на оккупированной территории³⁴. О распространенной практике расстрелов немецких военнопленных английскими и американскими солдатами во время боев в Нормандии нам сообщает в своей книге английский историк М. Хастингс³⁵. Более того, сама практика боевых действий вырабатывала определенный кодекс поведения противоборствующих сторон. Так, например, солдаты и той, и другой стороны практиковали расстрел захваченных в плен вражеских снайперов или огнеметчиков. Это объяснялось представлениями солдат о том, что они воюют «не по честному»³⁶. Играла свою роль и принадлежность военнослужащего к тому или иному роду или виду войск. Так, если немцы считали своим долгом расправиться с комиссаром, то красноармейцы без зазрения совести расстреливали попавшего в плен эсэсовца или влаговца.

В 1994 г. Центр военно-социологических и социально-психологических исследований Министерства обороны РФ провел анонимное анкетирование среди ветеранов-участников Великой Отечественной войны с целью выявления случаев самосуда над вражескими солдатами на поле боя или случаев расстрела пленных по приказу командира. Из 380 человек опрошенных о таких случаях сообщили лишь 3 человека³⁷, т. е. 0,8 % анкетированных. Много это или мало? На первый взгляд кажется мало. Однако представим такую пропорцию к цифре 5 – 6,5 млн. человек (численность личного состава Красной армии, участвовавшего в боевых действиях на советско-германском фронте)³⁸ и получим цифру не менее 50000 фактов несанкционированных экзекуций. Таким образом, можно с натяжкой говорить о «единичных фактах» расправ с обезоруженным противником.

Тем не менее, несанкционированный характер таких стихийных расправ не позволяет говорить о системе уничтожения военнопленных, в отличие от практики гитлеровского Рейха, где подобные деяния были освящены силой приказа. Так, 12 мая 1941 г. вышла секретная директива Главной ставки фюрера «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками». Она гласила: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях»³⁹.

Советское правительство, разрабатывая нормативно-правовую базу по вопросам обращения с военнопленными, преследовало несколько целей. Во-первых, оно стремилось исключить их из сферы военных действий, т. е. нейтрализовать как часть вооруженных сил противника. Во-вторых, планировало использовать их труд по возмещению затрачиваемых на их содержание средств, а позднее для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В-третьих, путем политической и культурно-массовой работы рассчитывало сделать их сознательными сторонниками коммунистической системы. Таким образом, цели, которые преследовало советское руководство, коренным образом отличались от устремлений германских политических

кругов, рассматривавших военнопленных в начале войны как ненужный балласт, а позднее как дешевую рабочую силу. Сама концепция использования военнопленных как «бацилл коммунизма», несмотря на свою идеологическую направленность, предполагала гуманный характер обращения с вражескими солдатами, так как была ориентирована на сохранение их жизни и добровольную перемену мировоззрения. Подобная логика отражена в следующих словах начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Т. Филиппова, прозвучавших в июне 1948 г. на совещании руководящих работников лагерей МВД: «Мы военнопленных не унижаем, не оскорбляем, а поэтому им при возвращении на родину нечего будет сказать о Советском Союзе плохого»⁴⁰.

Неоднозначным было отношение советского руководства к вражескому офицерскому корпусу. Во-первых, наблюдается стремление отделить офицерский и командный состав от остальной массы военнопленных. Во-вторых, нейтрализовать их, как «непримиримых классовых противников». Так, по инициативе Л. Берии было принято решение о расстреле пятнадцатитысячного польского офицерского корпуса. В 1943 г. на Тегеранской конференции И. Сталин обмолвился о намерении сурово покарать 50 тыс. офицеров вермахта, находящихся в лагерях НКВД. Но, видимо, получившее негативный международный резонанс в том же 1943 г. «катынское дело» изменило его планы.

Факты репрессий со стороны советского руководства по отношению к пленным офицерам дали основания Б. Соколову говорить о политике уничтожения наиболее состоятельных и образованных групп бывших неприятельских военнослужащих⁴¹, что, на наш взгляд, достаточно спорно. Ведь из тех же польских офицеров сталинско-бериевский аппарат впоследствии сформировал командный состав армии В. Андерса. В конце концов, репрессивная политика уступила место трезвому расчету и прагматическим соображениям, наглядным примером чему является создание «Союза немецких офицеров» и его использование в политических целях.

Принципиально и отличие правового положения иностранных военнопленных от положения советских заключенных. Если в отношении первых советское руководство исходило из принципа «корректного обращения», то основными элементами тюремного и лагерного быта вторых были насилие, произвол, попрание человеческого достоинства при полном безразличии к созданию нормальных условий для существования. Примечательно, что разрыв между законоположениями, гарантирующими охрану прав личности и обеспечением их реализации, считался нормой для лагерей ГУЛАГа и недопустимым явлением для лагерей ГУПВИ. В документации НКВД-МВД прослеживается четкое стремление выделять военнопленных, как особую категорию лагерного контингента.

Характерно, что одновременно с заявлением советского правительства об окончании репатриации военнопленных от 5 мая 1950 г. МВД отменило большинство приказов, директив и распоряжений по содержанию военнопленных,

изданных в 1939–1949 гг.⁴². Это еще раз свидетельствует о том, что оставшихся на своей территории военнопленных советское руководство отныне считало военными преступниками, т. е. лицами, которые не могут претендовать на преимущества режима военного плена.

Итак, изучение нормативно-правовых актов и архивного материала свидетельствует, что в советском законодательстве в период 1930-х – 1940-х гг. проблеме военнопленных уделялось большое внимание. Разрабатывая законодательство, регламентирующее режим военного плена, Советский Союз опирался на имеющийся опыт работы с подданными иностранных государств. Основные права военнопленных в годы Великой Отечественной войны были закреплены в Положении о военнопленных, утвержденном постановлением СНК СССР 1 июля 1941 года. Если в Женевской конвенции правовой статус военнопленных дифференцировался только в зависимости от воинского звания, то в советском законодательстве большое значение имело «социально-политическое лицо» военнопленного. Несмотря на свою несовершенство и противоречивость, обусловившие многочисленные нарушения режима военного плена, советское законодательство не шло ни в какое сравнение с преступными приказами и директивами фашистского руководства, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по политическим мотивам и расовому признаку.

¹ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996. – С. 19–20.

² *Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько.* – М., 2000. – С. 60–65.

³ *Военнопленные в СССР...* – С. 61.

⁴ *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001. – С. 65.

⁵ Текст Положения от 19 сентября 1939 г. см.: *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). – М., 1997. – С. 153–158.

⁶ *Военнопленные в СССР...* – С. 74–75.

⁷ Там само. – С. 75–77.

⁸ *ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева.* – М., 2002. – С. 457.

⁹ *Военнопленные в СССР...* – С. 25.

¹⁰ *Всеволодов В.А.* «Арифметика» и «алгебра» учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. // Трагедия войны – трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР, проблемам и перспективам развития музея «Трагедия плена» /

Мемориальный музей немецких антифашистов, Академия военных наук. – М., 1999. – С. 27.

¹¹ Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 49.

¹² Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. – С. 36–37.

¹³ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Назв. праця. – С. 90.

¹⁴ Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. – М., 2001. – С. 221–223.

¹⁵ Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: Докум. и матер. Т. 14. – М., 1994. – С. 24–25.

¹⁶ Конасов В.Б. Назв. праця. – С. 40–41.

¹⁷ Архив Управления внутренних дел Волгоградской области (*далее* – Архив УВД ВО). – Ф. 6, оп. 1, д. 385, л. 208–211; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Нормативные документы / Под ред. В.А. Золотарева. Т. 24. – М., 1996. – С. 37–40.

¹⁸ Военнопленные в СССР... – С. 28, 155–168.

¹⁹ Там само. – С. 171–173.

²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны... – С. 509–510.

²¹ Архив УВД ВО. – Ф. 6, оп. 1, д. 475, л. 316–320.

²² Там само. – Д. 461, л. 34–35; д. 524, л. 249–252; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР... С. 127–128.

²³ Архив УВД ВО. – Ф. 6, оп. 1, д. 475, л. 20 об.-22.

²⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны... – С. 48; Архив УВД ВО. – Ф. 6, оп. 1, д. 463, л. 407–415.

²⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941–1945 гг. – Т. 24 (13–2). Кн. 1. – М., 1999. – С. 126; Архив УВД ВО. – Ф. 6, оп. 1, д. 464, л. 288–300.

²⁶ Архив УВД ВО. – Ф. 10, оп. 1, д. 9, ч. 1, (лист не пронумерован).

²⁷ Там само. – Д. 192, л. 96–96 об.

²⁸ Детков М.Г. Колонии, лагеря и тюрьмы России. – М., 1999. – С. 197–198.

²⁹ Архив УВД ВО. – Ф. 10, оп. 1, д. 75, л. 221.

³⁰ Там само. – Д. 6, л. 65.

³¹ Российский государственный военный архив (*далее* – РГВА). – Ф. 1/п, оп. 21а, д. 37–59.

³² Архив УВД ВО. – Ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 237.

³³ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэр. – М., 1990. – С. 71.

³⁴ *Болдырев К.В.* Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 119.

³⁵ *Хастингс М.* Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. – М., 1989. – С. 132; 309–310.

³⁶ Там само. – С. 132, 307, 309.

³⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4: Народ и война. – М., 1999. – С. 195.

³⁸ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 245–246.

³⁹ Цит. по: *Долматовский Е.А.* Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. – М., 1989. – С. 107.

⁴⁰ Архив УВД ВО. – Ф. 10, оп. 1, д. 75, л. 223 об.

⁴¹ *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне: Сборник статей. – СПб., 1998. – С. 26.

⁴² Приказ МВД № 001097 от 16 декабря 1949 г. «Об отмене приказов, циркуляров, директив, приказаний и распоряжений НКВД-МВД СССР, изданных по работе лагерей МВД для военнопленных». См.: Архив УВД ВО. – Ф. 6, оп. 1, д. 528, л. 343.